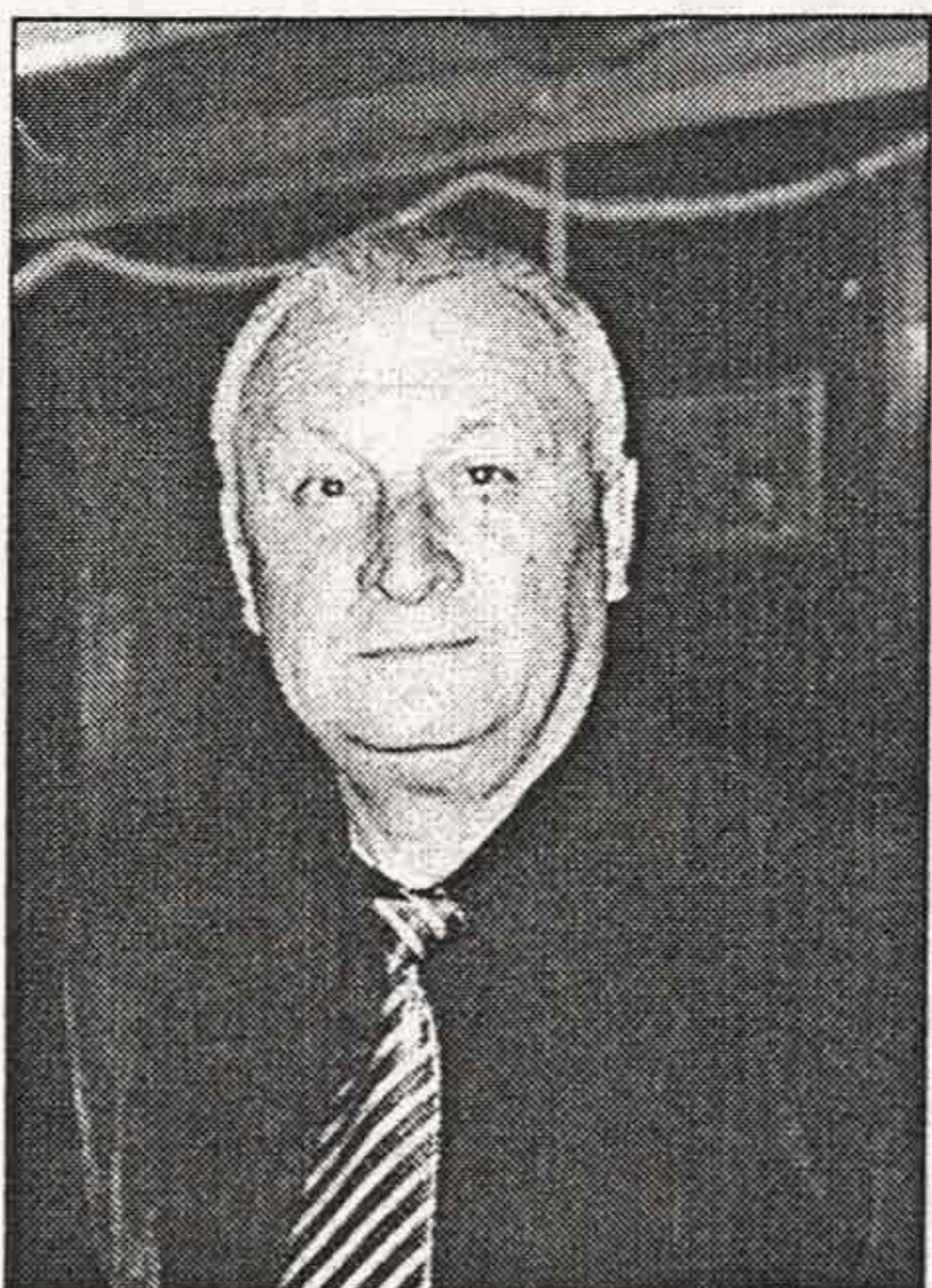

Алексей Воронков

Алексей Алексеевич Воронков родился в 1947 году в селе Ромны Амурской области, окончил Уссурийское суворовское военное училище и Иркутский институт иностранных языков. Преподавал английский в школе посёлка Токур Селемджинского района, в педагогическом и медицинском институтах города Благовещенска, работал в газетах. Член Союза писателей России. Автор многих книг рассказов, повестей, романов, стихотворений и поэм, изданных в Благовещенске и в Москве.

В нынешнем, 2012 году Алексей Воронков стал лауреатом Амурской премии в области литературы и искусства за роман «Харбин», вышедший в московском издательстве «Вече». Поздравляем!

Рассказы

Повар Иван Дугин

Нет, не любил Иван Дугин рассказывать о себе. Даже за праздничным столом. Особенно о том, как он воевал.

— Ну что мне вам рассказать? Ведь и рассказать нечего... Ну кто я был? Обыкновенный повар. А какой из повара боец? Так, кашка-малашка да супецкомпот...

— А ты расскажи, как тебя чуть было под трибунал не отдали, — обычно говорила супруга Татьяна Егоровна, которая гордилась своим мужем-фронтовиком. Все мужики за столом о своих подвигах вспоминают — а чем её Иван хуже?

А у Ивана при этих словах тут же язык немел, губы дрожать начинали и на глаза накатывали слезы.

— Да какой там трибунал! — срывающимся голосом воскликнул он. — Не было там никакого трибунала. Поставили к стенке — и всё...

В комнате воцарялась тишина. Те, кто никогда не слышал про Иванов расстрел, тут же, закрыв рты, намеревались слушать, но и посвящённые были не прочь вновь пережить всё, что пережил Иван в своё время.

Но Ивана долго приходилось упрашивать. Ведь он по натуре молчун, и даже когда выпьет, трудно было ему язык развязать. Несмотря на то, что пил он богатырскими дозами. Бывало, нальют ему рюмочку, как всем, а он её в сторону и тут же фужер подставляет. Мол, что там рюмка? Уж пить так пить...

Ну конечно, думают люди, Иван привык в своих ресторациях водку чайниками потреблять. Такая уж у него работа. Вот если бы был он, допустим, закройщиком, а не поваром, то, может, пил бы напёрстками. Ну а в ресторане всё по-другому. Тут работать на фоне веселья человеческого приходится. Ведь зачем приходят в такие заведения? Да чтобы расслабиться как следует. Жизньто вон какая набыченная — только бесшабашное веселье и спасает. Видимо,

эта бесшабашность и обслуге ресторанной передаётся. Поглядишь — безбашенные они какие-то, будто бы жизнь у них слаще нашей. Хотя это они на вид только такие. Жизнь их тоже не балует. А чтобы забыться, уйти от повседневной натуги, соберутся порой после закрытия заведения все — повара с поварихами, сторожа да официантки, — наваляют на стол то, что осталось с барского, как говорится, стола — и пошла гулять деревня! В общем, согласно ресторанный психологии и жили люди.

И Иван так жил. По восемнадцать часов, бывало, приходилось возле раскалённых печей проводить. На смену вставал чуть свет, и так как автобусы ещё не ходили, топал пёхом кварталов десять. В пять утра уже был на работе, где и начиналась эта многочасовая пытка. Один мужик среди баб — так что ему и суждено было и туши свиные таскать на своём горбу, и мясо рубить, и тонны котлет на-гора выдавать. А ещё эта рыба колючая да ледяная из морозильников, от которой руки потом сутки ломит, эти тяжеленные баки с супом, которые приходилось самому же на плите ворочать, эта бесконечная духота, с которой не было сладу, особенно летом... Оттого и бесчисленные его профессиональные болячки — все эти бруцеллёзы, ревматизмы, артриты, артрозы, хондрозы, от которых он неимоверно страдал. Хотя виду не подавал — не тот был характер. И всё же, несмотря на кажущуюся бодрость, Иван тайно мечтал о том дне, когда он выйдет на пенсию и ему не придётся больше добираться на изувеченных ногах до работы. Усядется на своей любимой лавочонке, что сам смастерили за калиткой, и будет так сидеть до самой смерти.

На работе Иван был более словоохотлив, чем дома. Там, слава богу, его никто не просил рассказывать о войне. Даже во время «служебных» пирушек, которые они устраивали после смены. Всё ограничивалось анекдотами. Выпьют — и давай их травить. Дома в будние дни тоже не шибко-то разболтаешься. Вернутся с Татьяной усталые после работы, попьют чайку — и на боковую. Но когда придут гости, всё куда сложнее. От них анекдотом не отделаешься, им нужно, чтоб ты свою жизнь наизнанку вывернул. Иван сопротивляется, но после четвёртого или пятого фужера всё же сдаётся.

— Ну, давай, Иван, давай, не тяни, расскажи про свой расстрел, — вновь кто-то попросит Дугина. — Только не плачь, не надо. Мы ведь понимаем...

И тот вдруг начинал говорить... Нет, не то чтобы с ходу брал быка за рога — набирал обороты потихоньку и сказ свой вёл издалека. С того самого момента, как в край наш далёкий, на китайскую границу, попал.

А попал он сюда перед самой войной с Гитлером.

— Чем ты, Дугин, на гражданке занимался? — спросило его начальство, когда он прибыл в полк.

— Да разным, — отвечает. — Я ведь крестьянский сын. И в поле приходилось работать, и за лошадьми ухаживать, лес валить... Плотничать-столярничать случалось...

— А как насчёт жратвы?.. Приготовить сможешь? — неожиданно спросили его. — А то у нас одни косцы-писцы, а вот поваров нема. Не мужское, говорят, дело.

Иван почесал затылок.

— Да я бы тоже лучше б не по этой части, но коль надо, то смогём, — отвечает. — Кому ж в деревне щи не приходилось варить!

Посовещались начальники о чём-то и говорят:

— В общем, так... Пойдёшь в ученики к Сулейманову. Через месяц-другой, глядишь, и научишься поварить. Дело нехитрое — чай, не ресторанных посетителей кормить будешь.

Что делать — пошёл в повара. Было б грамотёшки поболе — на курсы бы младших командиров попросился, а тут, как говорится, всего-то три класса сельской бани. Куда с таким образованием в командиры? А на душе кошки скребут. Ну что он скажет товарищам, когда вернётся в родную деревню? Ведь засмеют, когда узнают, что он три года перловую кашу варили, тогда как другие от врагов землю нашу спасали. А врагов в ту пору было не перечесть. Они и в Европе были, и в Азии. За тем же Амуром, на берегу которого ему предстояло служить, японцы окопались. Маньчжурию с Китаем подмяли под себя, и теперь, дьяволы, глаз на нашу территорию положили. Но им уже два раза по шапке дали. Один раз у озера Хасан, что в Приморском крае, другой — на реке Халхин-Гол — это уже в Монголии, с которой у нашей страны дружеский договор существовал. Попртихли немного сукины дети, но ненадолго. И как только немец вторгся на нашу территорию, японские вражины воспрянули духом. Начались провокации, лазутчики полезли на наш берег. По ночам было слышно, как техника на той стороне гудит, — это японцы свои войска к границе подтягивали. Тревожно было здесь и опасно. Того и гляди,войной пойдут на нас самураи. А каково это было сознавать, когда немец давил с запада? У тех, кто находился на восточной границе, нервы были на пределе, и не только у военных, но и у мирного населения. Люди помнили: японцы такое творили во время интервенции — страшно сказать. Целые деревни вместе с их обитателями сжигали в огне. И вот теперь они снова готовились напасть на нашу землю. Нервы у людей были напряжены, хотя виду не подавали. Работали, учились, готовились к войне. А когда приказ пришёл рыть окопы вдоль Амура, рыли все вместе — и военные, и гражданские. И даже полковому повару Ивану Дугину приходилось снимать свой фартук и браться за лопату.

Ох и намаялись за эти годы! При этом больше неизвестность донимала, постоянное ожидание японцев, чем приготовление к их отражению. И когда после победы на западе наше правительство объявило Японии войну — как-то сразу полегчало на сердце. Странно это, конечно, ведь война и есть война, там убивают, но дышать, тем не менее, стало легче. Да и уверенность в нашей победе у всех была. Даже приграничные дети, которые, глядя на старших, люто ненавидели «этих проклятых самураев» и слова другого, кроме «победа», не знали. Всё было настроено на неё, родимую. И вот наконец в августе сорок пятого началось...

Ивана Дугина тогда вместе с его полевой кухней через реку по pontonному мосту переправили. Вначале, как полагается, была артподготовка; пушки били так, что окна в домах этого небольшого городка, где квартировал полк, повылетали. Однако, несмотря на столь значительные для того времени бытовые потери, народ радовался. Бог с ним, лишь бы скорее победить. А когда

артподготовка закончилась, когда снаряды перестали с шипением летать над головой, всё, что могло двигаться и стрелять, устремилось на правый берег Амура. Забурлила река, рассыпалась на мириады брызг, когда по ней пошли тяжёлые бронекатера, баржи, ведомые буксирами, да десантные посудины. Боевые действия, к счастью, продлились недолго: месяца не прошло, как всё закончилось. Но сколько всякого за этот короткий срок случилось, каких душевных сил стоила людям эта война, знают только они сами.

Иванов полк тогда долго шёл по малонаселённому пространству, не встречая сопротивления. Леса, перелески, рисовые поля, китайские убогие деревушки с глинобитными домами-фанзами, и снова леса, перелески... Часто навстречу выходили китайские крестьяне, которые при виде солдат в неизвестной форме явно выражали свою радость. Видно, замучили их япошки, и вот они готовы были приветствовать любого, кто обещал избавить их от этих мучителей.

А потом вдруг всё изменилось. На пути стали возникать укрепрайоны с дотами да окопами-траншеями, началась стрельба, появились раненые с убитыми... Иван в этих передрягах не участвовал. Его задача была не отставать от полка и вовремя кормить бойцов. А поспеть за моторизированной пехотой было делом чрезвычайно трудным. Ну разве по силам было лошадке, что тащила полевую кухню, угнаться за юркими полуторками да американскими лендлизовскими «студебеккерами»? Да и лошадка-то была старенькая, потому и резвости в ней не было — так, дохаживала свой век. Но для Ивана Дугина она была единственной помощницей, других у него не было. А командир полка прямо сказал: «Попробуй не накормить бойцов — расстреляю по закону военного времени». Иван, видя такое дело, сунулся было к нему с просьбой, помощничка хотел для себя выхлопотать, но тут же получил от ворот поворот. Дескать, не видишь, что ли, — у нас каждый штык на счету. Вот и напрягался Ванюша, вот и рвал жилы, спешая за полком. А дороги-то были те ещё, яма на ямине, а где и вовсе пути не было, поэтому постоянно приходилось подсоблять лошадке тянуть воз. Но покуда дело шло и Ивану ценой нечеловеческих усилий удавалось спешивать за полком. И вдруг — осечка...

Откуда они тогда взялись, эти япошки, — Дугин и сегодня сказать не может. Он гнал лошадку через небольшой лужок, когда неожиданно впереди, среди высокого и уже чуть пожухшего к осени бурьяна, углядел каких-то людей, которые перебежками продвигались в его сторону. Их было трое, и они, как отметил Иван, были вооружены. «Японцы!» — мелькнуло в голове. Иван тут же остановил лошадь, сдёрнул с плеча свой ППШ и бросился на землю. Быстро и громко, будто пулемётная очередь, застучало сердце. Положил указательный палец на спусковой крючок, попробовал сосредоточиться. Но разве сосредоточишься, когда страх, великий и неукротимый страх крадётся по твоим жилам, сковывая твои мысли, твои чувства, твою волю? Тело покрылось липким холодным потом, солёные струйки его начали заливать лицо, разъедать глаза, заползать за ворот гимнастёрки. Снова он пытается лихорадочно что-то сообразить, но не может. Лежит, словно парализованный, в бурьяне и дрожит всем телом.

А ведь так всё шло ладно. Было пригожее августовское утро, в траве стрекотали кузнечики, дышалось легко и вольготно — будто бы и не было вовсе войны. Припадая на больную ногу — ещё накануне вечером ушибся, когда вытягивал телегу из болота, — Иван вёл лошадку под уздцы и, мурлыкая что-то себе под нос, пытался думать только о хорошем. Конечно же, вспомнил родное село, мать, отца, братишку с сестрёнкой... Как они там? Думают ли о нём? Ничего, вот кончится война, вернётся он домой, и заживут они, как прежде, в согласии и любви. Иван выучится на тракториста и станет работать в колхозе. Пока он тут месит грязь на просторах далёкой Маньчжурии, там, в его сибирском селе, подрастают невесты. Кто-то из этих молодых красавиц непременно станет его женой. И то! Он ведь парень видный, любая девчонка за него пойдёт. Вот только они, девки-то, сегодня героев любят. Спросят его: а ты, мол, Ванечка, сам-то воевал? Много ли врагов убил и есть ли у тебя боевые награды? А он что скажет? Вот то-то и оно, что ему нечего сказать. Ну какая девка пожелает выйти за кашевара, который и пороху-то не нюхал? Более того, и врага-то в глаза не видел...

Вспомнив об этих своих недавних переживаниях, Иван чуть было не выматерился. Вот, дескать, и накаркал убивцев на свою голову. А теперь решай, что тебе делать. Нет, стрелять его научили, но что он один против... Сколько ж их там? Ах да, трое... Ну вот, что он против троих? А те, что продвигались мелкими перебежками, уже были совсем близко. Иван это отметил, когда, машинально смахнув рукавом гимнастёрки пот с лица, чуть приподнял голову и мельком огляделся. Эти сволочи, видимо, поняв, что перед ними необстрелянный солдатик, уже почти без опаски и не таясь спешili в его сторону. Наверное, их привлекал вид полевой кухни, а может, и тот всепроникающий, оглушительный дух борща, который распространялся окрест. «Поди, оголодали, падлы узкоглазые, вот и лезут напролом», — внезапно подумал Иван, и ему стало вдруг смешно. Ишь, борща русского захотелось! А вот этого не хотите? Он вдруг выставил свой кулак со сложенной фигой и потряс им в воздухе.

— Накось-выкусь! — заорал он не своим голосом. — Жрать хотите? Тогда сдавайтесь! Эй, слышьте? Руки вверх, сучьи дети!

Ответом ему был выстрел, который прозвучал, как ему показалось, совсем рядом. Потом был ещё один выстрел, и ещё... Одна из пуль попала в лошадку, и та с хрипом повалилась на землю. Услышав хрип, он оглянулся и увидел, как его единственная помощница, единственный друг на этой проклятой войне, замертво падает на землю.

— Сво-о-ло-чи! — не поднимая головы, заорал Иван. — Что вы надели?! Как я теперь поспею за полком?.. — Последние слова были уже обращены не к врагу, а к себе. В самом деле, что теперь будет? Ведь комполка ясно сказал: «Расстреляю, если бойцов не накормишь!»

Он не помнит, что его тогда заставило перебороть страх и открыть огонь. Может, за погубленную лошадку, что в агонии билась позади него, решил отомстить, а может, это всплывшие в голове слова комполка вывели его из оцепенения, но только он теперь уже не боялся этих вражин, что рвались к его полевой кухне. Двоих он срезал сразу, а с третьим произошла настоящая дуэль.

Тот стрелял из винтовки — редко, однако, сволочь такая, настырно, будто бы и впрямь солдатского борщца непременно решил отведать. Но беда его была в том, что он не стал искать укрытия, колошматил с колена. Вот и проиграл. Очередь из ППШ прошила его небольшое тело, и он уткнулся носом в траву. Но прежде пуля, выпущенная из его винтовки, пробила котёл, где находился сваренный, считай, прямо на ходу борщ. Пришлось затыкать дыру пучком травы. Но это было полбеды.

Беда была в том, что Иван лишился лошадиной тяги. Без неё как теперь быть повару Ивану Дугину? Разве утянуть ему такой груз — тяжёлую железную полевую кухню? Правда, можно освободить котёл от борща, но тогда что он солдатам скажет? Здравствуйте, милые, я вам пустую кухню притащил?.. Впрочем, её ещё притащить нужно...

Вздохнул тяжко солдат, выпряг убитую лошадку из повозки и, напрягши силы, так, что даже в висках заломило, попробовал сдвинуть кухню с места. Странно, но кухня, будто бы соскучившись по голодной братве, которая уже наверняка с нетерпением поджидала Ивана где-то там, впереди, среди редких здешних лесов, подалась ему. С трудом, но подалась. «Ну, тогда с Богом!» — обрадовался Иван и тяжело потащил своё незамысловатое хозяйство вперёд. Он шёл долго. Шёл по бездорожью, с трудом одолевая ямины и колдобины, ручьи и речушки, натыкаясь на пни и валуны. Силы оставляли его, но он всё шёл, шёл. Несколько раз останавливался, чтобы поправить пробку в пробитом пулей кotle, а потом снова хватался обессилившими руками за оглобли и напрягался всем телом, чтобы сдвинуть повозку с места. Но с каждым разом это было всё труднее сделать. От напряжения голова была готова лопнуть, словно арбуз, глаза наливались кровью, а на шее вздувались верёвками вены.

Сколько он шёл тогда, не помнит. Иногда ему казалось, что он никогда уже не дойдёт до своих, но мысль о том, что бойцы в таком случае останутся без пищи, видимо, придавала ему силы. И когда солнце уже готово было скрыться за цепью гор, он услышал чей-то звонкий голос:

— Глянь, братцы, да ведь это наш повар Иван! Ура! Значит, будет жратва! А мы-то думали, что всё...

«Свои...» — с какой-то усталой радостью подумал Иван и тут же тяжело опустился на землю. Его окружили бойцы. Они о чём-то спрашивали его, и он, кажется, что-то им отвечал. Но спроси его, о чём он говорил, — так ведь и не вспомнит. Наверное, пытался оправдать своё опоздание, поведав братве о том, что с ним произошло в пути и почему ему вдруг пришлось выступать в роли лошади.

— А ведь герой наш Ванька-то! — услышал он тогда чей-то голос. — Наверно, его к ордену представят.

В сгущающихся сумерках застучали котелки, бойцы потянулись к кухне. А тут вдруг — приказ построить полк. Иван, кое-как поднявшись с земли, встал в строй вместе со всеми. Он помнит, как комполка, едва сдерживая ярость, вдруг произнёс его фамилию и приказал ему выйти на два шага вперёд. «Кру-гом!» — послышалась очередная команда, и командир, не став

даже бранить Дугина, поднял ладонь к виску, как это полагается при отдаче приказа, и жёстко произнёс ту страшную фразу, которую Иван будет помнить до конца своей жизни:

— За проявленное дезертирство по законам военного времени приказываю расстрелять бывшего повара полка рядового Дугина! Приказ исполнить немедленно!

У многих бойцов после этих слов перехватило дыхание. Да как же так? Какое дезертирство? Парень-то вон он, да и кухня его на месте. Но приказ есть приказ. Тут же к Ивану приставили конвой во главе с каким-то офицером, и те, взяв его в кольцо, повели в распадок. Иван плохо соображал, что происходит. Он настолько устал от переживаний, настолько события этого дня подавили его морально и физически, что он едва держался на ногах. Все силы были сосредоточены лишь на том, чтобы не упасть замертво. Он даже смысл слов, произнесённых «полканом», не уловил, и лишь когда его грубо толкнули прикладом в спину, он понял всё. Понял и заплакал. Нет, не смерть его страшила. Его угнетало несправедливое решение командира. Ну какой же он дезертир? Он добросовестно выполнял поставленную перед ним задачу, и лишь японцы, те, что встретились на его пути, смешали все карты. Но при чём здесь он? А домой ведь сообщат, что он и впрямь дезертир. Вот позору-то натерпятся родные! Эта мысль заставила его вздрогнуть. «Я ни в чём не виноват!» — захотелось крикнуть ему, но вместо этого он ещё больше сник, и ещё обильнее из его глаз полились слезы. И ведь не от страха он плакал — плакал от обиды. От той вопиющей несправедливости, которая царит в мире. От того горя, которое он неминуемо причинит своим родным и близким.

Его поставили лицом к небольшой сопочки, поросшей невысоким монгольским дубняком. «Значит, будут стрелять в спину...» — решил Иван. «Целься!..» — послышался голос офицера, и в тот момент, когда тот должен был произнести свою страшную команду, которая поставила бы точку на такой короткой Ивановой жизни, он услышал эти спасительные слова, которые тоже запомнит на всю жизнь:

— Стойте! Стойте! Отставить расстрел...

Когда до Ивана дошёл смысл этих слов, он разрыдался. «Вот оно... Вот... Значит, есть справедливость на свете... Есть она!»

А получилось просто. Оказывается, не все бойцы, что знали правду, посчитали приказ «полканы» справедливым. Нашлись те, кто решил спасти Ивана. Они-то и поведали скороговоркой командиру обо всём, что приключилось с Дугиным в пути. Торопились, боялись, что расстреляют парня.

— Да что ж вы, сукины дети, раньше-то!.. — побледнев, воскликнул комполка и приказал немедленно отменить расстрел. Успели. А ведь чуть было не случилось непоправимое. И вот теперь Иван живёт с чувством благодарности к тем людям, что спасли его. И верит в то, что есть на свете вселенская справедливость, которая зачастую спасает людей от беды. И всё же нет-нет да выкатится скучая слеза из его поблекших голубых глаз, когда он вспомнит о том случае. И снова обида обожжёт ему сердце...

Бакенщик

До того как уехать из этих мест, я лет десять отпахал в Амурском речном пароходстве. Правда, выше капитана «эртэшки» так и не прыгнул. Гонял плоты по Амуру, баржи с углём, а то приходилось и северным завозом заниматься. Работы хватало. Что ни говори, а до последнего времени реки в этом краю за отсутствием нормальных дорог были главной магистралью — по ним и текла трудовая жизнь. Бывало, вернёшься из очередного рейса — еле ноги волочишь от усталости. Тут бы любовью с молодой женой заняться — да куда там! Упадешь в койку и продрыхнешь аккурат до следующего похода. И так всё лето.

Труднее всего было гонять с верховьев Амура плоты. Это хорошо, если плоты колхозные — они небольшие и манёвренные. Иное дело сплавконторские, кошмовые, собранные из нескольких многорядных. Те тяжеленные, сволочи, метров под двести длиной да с осадкой более трёх метров. В половодье ещё куда ни шло, а вот когда вода падает, когда открываются косы, тогда гляди в оба, чтобы на мель их не загнать. Загонишь — хана плоту. Пока вода поднимется, его или китайцы растащат по бревнышку, или наши побережные колхознички, которые вечно нуждаются в древесине, тракторами разберут по частям. В ту пору то и дело можно было увидеть плывущую по реке строевую древесину, плотовой лес, оторвавшийся от общей связки, да ещё «утопленников» — так на Амуре называют торчащие из воды напитавшиеся влагой тяжёлые бревна. Те самые, что не раз становились причиной человеческой беды. Этого «утопленника», бывает, и днём-то трудно разглядеть, а в темноте и подавно. Случалось, летит человек на своей моторке — бац! — и поминай как звали. Кого-то сразу винтом срежет в воде, кому-то сил не хватит, чтобы добраться до берега.

До сих пор помню названия деревенек, мимо которых мне приходилось проплывать. Помню, как выглядят с воды Касаткино, Иннокентьевка, Калинино, Чесноково... Помню и Джалинду с Игнашино... Те же Албазино, Черняево, Нововоскресеновку, Бибиково... А так как я человек по натуре своей интересующийся, то мне важно было не только запомнить их названия, но и узнать их историю. И теперь мне известно, что, например, Джалинда раньше называлась Рейново — по имени сподвижника Муравьева-Амурского инженер-капитана Рейна, а своё новое название село получило после переноса сюда еще до революции конторы золотопромышленной компании «Джалинда», что в переводе с эвенкийского означает «тайменевая река».

Впрочем, многие приамурские села получили свои названия в память о первопроходцах, сподвижниках и товарищах графа Муравьева. Например, Иннокентьевку поименовали так в честь святителя Иннокентия Вениамина — в миру Ивана Евсеевича Попова, — известного миссионера и религиозного деятеля. Вот и Касаткино стало памятником врачу муравьевской экспедиции Ивану Касаткину, а стоящая на самом берегу Амура бывшая станица Бибиково названа в честь одного из помощников Николая Николаевича.

Так и должно быть. Славным именам — вечная память.

Судоходный сезон на Амуре, как правило, начинается в конце апреля, когда река освободится ото льда, выбросив его шугой в низовья к Амурскому лиману. С детства помню эти первые весёлые пароходные гудки, спешившие возвестить о начале летних забот. Загудела река — значит, открывай окна и впустай в горницу лето. И пусть оно поначалу этакое застенчивое и пугливое, но потихоньку оно наберётся сил и зашумит тяжёлыми кронами тополей, наполнив воздух густым пряным духом цветущих полей и запахами реки.

Сегодня река пахнет уже по-другому. Ушли в прошлое плоты с их смоляным таёжным духом, и потому скучно душе, уставшей от сырых запахов бетона да тяжёлых испарений асфальта. И лишь порой защемит твоё сердце, когда с реки вдруг пахнёт чем-то родным, напомнившим тебе детство, когда ты по вечерам выходил с родителями к Амуру, чтобы полюбоваться его плавным и одновременно мощным течением, поглядеть на всплески разгулявшихся рыбёшек да насладиться этим неповторимым пойменным эфиром, от которого захватывало дух. Все эти запахи были отправной точкой моей жизни, они так крепко застяли в моей душе, что нет ничего удивительного в том, что я выбрал профессию речника. Тут многие так: кто в пограничники подался, кто лес припойменный охранять, а кто и на водный транспорт. Лишь бы река была рядом. Та, без которой лично я уже с детства не мыслил свою жизнь.

Однако одной романтикой сыт не будешь. Чтобы заработать на жизнь, приходилось пахать, как индийскому слону на лесоповале. При этом часто круглыми сутками. График-то плотный, его не обойдёшь. Дали тебе, допустим, неделю, чтобы ты дотащил баржу с райчихинским углём до города Зеи — будь любезен выполнить. Не сделаешь этого — переходящий вымпел ударника соцсоревнования не получишь вместе с премиальными. То же самое с плотами. Хоть умри, а к положенному сроку доставь лес по назначению. Вот и приходилось крутиться. И в большую воду, когда река буквально зверела под натиском волн, груза таскали, и в мелководье шарили по мелям — так и жили-поживали. При этом без приключений не обходилось. На то она и река, чтобы в ней всё было сложно и непредсказуемо. Загнал ту же баржу на мель — вот тебе и приключение. Или, допустим, прозевал в ночи створ и въехал с плотом на китайскую косу — тоже кино с продолжением. Бейся потом лбом о судовую переборку, думая, как выйти из положения. Рядом никого, кто бы мог тебе помочь-подсказать, поэтому приходилось один на один сражаться с бедой. К счастью, как-то так получалось, что беда в конце концов отступала, и вот ты уже мчишься навстречу новым приключениям. Навстречу новым городам, природным пейзажам, навстречу новым людям.

Кстати, самым интересным на реке были встречи с новыми людьми. Каждый человек — это целый космос, а разве можно изучить в одночасье космос? Потому и были эти встречи такими желанными.

Жил в верховьях Амура старый бакенщик. Я с ним познакомился, когда ему уже перевалило за восемьдесят. Крепкий был старик, статный — любой бы молодой позавидовал. Бывало, стоит на ветру, грудь нараспашку, длинные седые вихры по ветру развеваются. Ну прямо статуя, а не человек. Жаль,

художнику не попался на глаза — вот бы отличный портрет получился. Или скульптура. Ей-богу, редкой красы был человек. Он потом и в девяносто своих ничуть не померк. Был таким же веющим и каменным. А взгляд какой у него был! Посмотрит — будто ветром по тебе пройдётся. На него даже молодые девки обращали внимание. Остановят взгляд и рядят в голове о чём-то своём. Может, завидовали той бабке, которой такой богатырь достался, а может, мечтали о своём Илье Муромце, только понять не могли, где они такие водятся. Вокруг-то всё обычные были мужики, изработавшиеся, а то и испившиеся, а вот таких орлов, трезвых да сильных, было — раз-два и обчёлся.

Я так и не узнал за много лет фамилию этого бакенщика, потому что все его звали одинаково: дед Кирей. Он к этому «деду» привык и не роптал. Сам знал, что старый, и потому не сопротивлялся. Ну а что по имени-отчеству не величают — не велика потеря. Может, людям так удобнее.

В наши места, говорят, его привела беда. Случилось это вскоре после революции. Он тогда работал на какой-то сибирской угольной шахте и, как многие пролетарии того времени, примкнул к большевикам. Его даже в партию хотели принять, но для этого он должен был убить человека — отказался, и его посчитали трусом. Но трусом он не был. Ведь в своё время он мог в одиночку выступить против целой шайки местных жиганов и при этом задать им жару. Силищи-то было хоть отбавляй. А тут такая вот незадача.

Посадили под арест, стали допрашивать, пытаясь добиться ответа, отчего это он пожалел «контру». Стали грозить революционным судом, о жестокости которого ходили легенды. Вот тут уж дед Кирей, которому, конечно же, тогда до деда было ещё как до Луны, в самом деле испугался и в ту же ночь, выломав решётку в камере, сбежал.

Долго скитался по России-матушке, пока не прибрёлся к нашим местам. Здесь, на Амуре, многие тогда грешники да праведники нашли себе приют, спасаясь от непредсказуемого нрава революции. Ведь известно: чем дальше от пожарища, тем меньше вероятности обжечь себе задницу. Оттого и бегут люди в глушь, спасая кто душу свою, а кто и саму жизнь.

В этих краях работы всегда хватало. Целина, одним словом. Здесь и тайга нетронутая, и ископаемых навалом, а ещё есть реки с рыбой, есть хорошая землица под пашню — да мало ли ещё чего! Кирей выбрал тайгу. Там привольно и нет злого глаза. Рубил лес, вязал плоты, которые потом гонял за сотни вёрст вниз по Амуру. Лес-то всюду нужен был. Ну а когда годы взяли своё, решил старый плотовщик обосноваться на берегу реки. Нашёл подходящее село в среднем течении Амура, перевёз туда семью и вздумал заняться рыбным промыслом. Кури-то там были добрые, аккурат с неводами по ним ползать. Однако бригада, к которой он прибрёлся, быстро разбежалась. Люди-то всё были пьющие, а потому те ещё голендаи. Ну а где пьянство и лень, там ничего хорошего не жди.

А тут старый бакенщик вдруг помер, и ему потребовалась замена. Так и нашёл Кирей себе новое дело. Приобрёл за две поллитровки утлую лодочонку, тут же научился управлять ею — и пошло-поехало. Через месяц он уже вовсю шустрил на лодочонке по реке, под музыку уключин играючи одолевая стремнины и перекаты. Главной его обязанностью было следить за тем, чтобы могучее тече-

ние Амура не сорвало с якорей бакены, эти похожие на египетские пирамиды плавучие знаки, которые предупреждают суда о навигационных опасностях и обозначают фарватер. А ещё он должен был в течение всего лета зажигать огни в этих маленьких пирамидках. Вначале то были специальные газовые горелки, а к цивилизованным дням поближе появились и аккумуляторы с лампочками, отчего стало легче управляться. Главное — вовремя подзаряжать аккумуляторы, а когда они отживут свой век — заменить их на новые.

А надо сказать, участок у Кирея был не из простых. Тут и кос хватало, и перекатов, оттого и фарватер был похож на извилистую заячью тропу. Не случайно вся водная гладь в этих местах была усеяна бакенами, а ещё были створы на берегу, за которыми Кирею тоже приходилось следить. Пока пройдётся вечером по реке — весь в мыле возвращается. Это тому, кто ничего не понимает в этом деле, кажется, что жизнь бакенщика — сплошное удовольствие. А что мол, — тут тебе и воля вольная, и природа, и воздух чистый — чем не жизнь? А пойди-ка, покрутись весь день на реке — тут же про чистый воздух забудешь. Это издали чужая жизнь хороша, а вкусишь её — и жить не захочется.

С дедом Киреем у нас были приятельские отношения. Впрочем, с ним нельзя было не подружиться. Человеком он был душевным, а к тому же довольно любознательным, оттого был рад каждой залётной птахе. А вдруг что-то новое принесёт в своём клове, вдруг позабавит, а то и развеселит чем?

Бывало, застанет тебя темень вблизи этих мест, и решишь от греха подальше заночевать на берегу. Ночью-то река иная. Из друга она может превратиться во врага. Чаще всего это бывает в малую воду, когда и днём-то нужно быть начеку. А в тёмное время и того хуже. Даже на зажжёные бакены не стоит полагаться. С вечера вода одна, а через пару часов она уже другая. Тут и бакенщику не уследить за природой.

Причаливали обычно чуть поодаль от села, там, где на галечнике с незапамятных времён, полулежа на боку, ржавела старая баржа. После смерти своей старухи дед Кирей не любил оставаться на ночь в пустой избе, где он чувствовал себя одиноко — дети-то давно разбрелись кто куда, — потому шёл ночевать на эту самую баржу. У него там и нары для этого случая имелись. Притом не одни — были и для гостей. В духоту в сырому трюме посудины легче дышалось, оттого и привлекала она внимание нашего брата.

Однажды ночь в очередной раз застала нас возле селенья, где жил дед Кирей. Дело было в конце лета, когда обмелевшая ещё в начале июля река из-за случившейся в тот год засухи так и не смогла войти в берега, выставив напоказ свои многочисленные песчаные косы. Оттого навигационные условия были на редкость сложными, и моей команде приходилось жить в постоянном напряжении. Вот мы и решили не рисковать и пришвартоваться на ночь к берегу.

Команда на судне была небольшая. Кроме меня, был ещё моторист, два рулевых матроса, повариха тётя Шура и её практиканта, которую звали Люськой.

Не успели мы ступить на берег, как появился дед Кирей. Здорово, говорит, люди добрые, рад вас снова видеть живыми и невредимыми.

За то время, пока мы не виделись, бакенщик успел отпустить густую кержацкую бороду и теперь походил на настоящего лешака. Такой же боль-

шой и лохматый, только с живыми человечьими глазами. В этом возрасте обычно люди уже не живут, а доживают, а этому хоть бы что. В нём чувствовались прежняя сила и удасть. И на женский пол всё так же глядит, как в молодости — дерзко и с вызовом, так, что у женщин кровь ненароком начинает приливать к лицу. Вроде бы и причин нет — старец ведь перед тобой, — а вот ведь заставлял он баб краснеть. Порода она и есть порода, и тут не важно, сколько тебе лет. Кирею вот за девяносто перевалило, а глаза его по-прежнему бесовские, бесстыжие, от взгляда которых не только тётя Шура, эта сорокапятилетняя толстушка, приходила в смущение, но и двадцатилетняя Люська невольно заражалась интересом. Они-то привыкли к совсем иным мужским взглядам, порой пустым, порой скучно-назойливым, а эти глаза зажигали тебя изнутри.

Местные говорили, что бабы когда-то сами Кирею на шею вешались, ну а он этим бессовестно пользовался. Привык к женскому вниманию, а привычка, как известно, вторая натура. Вот эта натура и сейчас выдавала себя с головой. Так что, встречая на берегу гостей, стариk первым делом ощупал своим внимательным взглядом поварих. Те это заметили и засмущались.

— Ты глянь, Люська, каков, а? — указывая на Кирея, вполголоса, так, чтобы её не слышали остальные, проговорила Шура. — Орёл! И где только такие рождаются?

— Так ведь он старый, — как-то неуверенно произнесла девка. А Шура ей:

— Да уж лучше такой вот стариk, чем какой-нибудь плюгавенький молодой обормот.

Люська только пожала плечами, хотя и у неё в душе появилось какое-то смутное чувство. Глядит на Кирея и взгляд от него оторвать не может. Будто бы загипнотизировал её старый.

Насилу отвела глаза. Стоит и удивляется: что это она вдруг? Ладно бы мужики обходили её вниманием — в таких случаях на любое чучело засмотришься, лишь бы оно было в штанах, — но в том-то и дело, что Люська этим не страдала. В школе поваров, где она училась, парней-то раз-два и обчёлся, а вот на улице... Девка ладная, всё у неё на месте. Сама знает, что не по годам формы соблазнительные обрела, потому на неё и млад и стар заглядывают. Только вот таким обыкновенно не везёт в любви. Был у неё один курсант из военного училища. Так вот он попользовался ею — и был таков. То же самое произошло, когда она познакомилась со студентом из медицинского. Тот тоже не стал долго задерживаться. Несколько раз переночевал у неё на съёмной квартире и пропал. А потом появился заводской инженер. Тот по-настоящему влюбился в неё, потому как зрелость обычно накрепко влюбляется в молодость. Только не знала девка, что он женат. Узнала только тогда, когда инженерша выследила мужа и устроила им обоим такой скандал, после чего он больше ни разу не появился у Люськи.

Вот так и текла её городская жизнь, которая всё больше и больше засасывала её, деревенскую деваху, в свою трясину. Это в родном селе на глазах у матери она бы не посмела вольничать, а тут свобода. Что хочу, то и ворочу. И такая жизнь ей нравилась. Теперь вряд ли какая сила способна была вернуть

её к родному очагу. Да, там, возле матери, оно надёжнее, но тут зато интересу больше. Здесь и магазины с неоновыми витринами, и рестораны, и мужчины при галстуках — не чета их колхозным. А то, что замуж не зовут, так это дело наживное. Ничего, будет и на её улице праздник. Всё равно найдётся тот, кто возьмёт её за руку и поведёт по этой жизни. А она-то постараётся быть хорошей женой. Ведь что главное для мужика? Правильно, пожрать. А уж она такие котлетки с пельмешками готовить умеет — закачаешься. Не зря же в школе поваров два года училась. Вот сейчас закончится практика, и для неё начнётся взрослая жизнь. Она уже и место себе присмотрела в одном небольшом ресторанчике. Быть может, именно туда в один прекрасный день и явится её суженый...

Мы разожгли костёр и подготовили себе ужин. Ужин был незамысловатый: варёная картоха, заправленная говяжьей тушёнкой, и чай со сгущённым молоком. Однако Кирей, которого мы пригласили к импровизированному столу, а это была клеёнка, расстеленная прямо на песке, еду хвалил так, будто бы никогда ничего подобного в жизни не едал. Видно, соскучился стариk по домашней пище — вот и расчувствовался, а то и просто хотел таким образом сделать комплимент нашим поварихам.

К сентябрю дни стали заметно короче, так что, пока мы вышкрябывали ложками со дна казённых алюминиевых мисок остатки еды, наступила ночь, и всё вокруг погрузилось во тьму. Но у костра было светло, как днём, и лишь отблески огня, метавшиеся по нашим лицам, да ушедшие в тень глазниц взгляды напоминали о том, что был уже поздний час. Однако никто из нас, несмотря на накопившуюся за день усталость, не спешил на покой. Покончив с трапезой, мы отвалились от «стола» и завели обычную в таких случаях дежурную болтовню. Рулевой Федька Сечкин, этот долговязый недавний дембель с лопухами вместо ушей, рассказал какой-то дурацкий анекдот про Чапаева. Казалось, анекдотами всё и закончится, но тут заговорил наш моторист Шипалов, невысокого роста худощавый дядька. Он неожиданно заявил, что после окончания навигации собирается списаться на берег.

Такие заявления обычно делают по пьяной лавочке, но этот-то был трезв как стёклышко.

— И что это ты вдруг? — спрашивала его. — Вроде бы раньше на судьбу не жаловался...

— Да при чём здесь судьба! — отвечает. — Просто надоело гонять эти проклятые плоты, хочу заняться чем-нибудь другим. Чем? Да мало ли работы! На той же РЭБ флота слесари постоянно требуются. Там день отстоял у верстака, вечером свободен. А тут что?..

— А сколько тебе лет, парень? — поинтересовался вдруг дед Кирей.

— В прошлом месяце сорок стукнуло, — сказал моторист.

Дед хмыкнул.

— Эх, мне бы твои годы! Да я б... Слыши, а не рано ли ты в старики себя решил записать? Плоты, видишь ли, ему надоели! Может, тебя уже и бабы, которые женщины, не интересуют? — с усмешкой произнёс он.

Шипалова эти слова задели за живое.

— Уж не тебе, старый, о бабах рассуждать! — покосившись на Кирея, сквозь зубы процедил он. — Это ты только с виду крепкий, а дунь на тебя — тут же рассыпешься.

Кирею такой поворот разговора не нравится. По натуре человек гордый, он всегда остро реагировал на обиду и, будь помоложе, не простили бы Шипалову этих слов. Однако преимущества старости в том, что она мудрее и сдержаннее молодости.

— А давай-ка побьёмся на кулачках, — вместо того чтобы заехать мотоцисту по уху, неожиданно предложил старик и этак дерзко посмотрел на него. Тот усмехнулся.

— Я же говорю, рассыпешься, — с вызовом повторил он. — Кто тогда бакены твои будет зажигать?

— Ну не хочешь на кулачках, давай потягаемся в «цыганку», — тут же выступил с новым предложением старик.

— А это как? — спрашивает его мой второй рулевой Митька Волков, небольшого роста тридцатилетний крепыш с копной соломенных волос на голове.

— Как?.. — Старик вдруг не по годам ловко переместился на живот и выставил вперёд согнутую в локте правую руку. — Давай, тоже ложись, — говорит он Шипалову. — Ну же!.. Вот так... А теперь хватай своей клешней мою...

— Моторист подчинился его приказу. — Ну вот, а теперь попробуй уложить мою руку набок.

Шипалов тут же напрягся и попытался преодолеть сопротивление старика. Это ему не удалось. Рука Кирея была тяжёлой, словно корабельный якорь, и её нельзя было сдвинуть с места.

— Давай, Шипалыч, не подкачай! — кричит Митька Волков. — Покажи старому, что есть такое речной флот!..

Шипалову очень хотелось проучить старика. Тем более что за их потугами наблюдал весь немногочисленный женский коллектив. Люська-то ладно, она тут чужой человек, а вот Шурка... Это ведь он перед ней все шесть лет, что они вместе плавают, молодым козлом скачет. Всё пытается завладеть её сердцем, а вместе с ним и всеми её сдобными прелестями, однако она ноль внимания на него. Будто бы её кто-то на берегу ждёт — так ведь нет никого. Да хоть бы и был — ведь молодая ещё, можно и побаловаться. А то ведь бабий век короток. Это у мужиков до ста лет гормоны шалят. Но Шурка будто бы железная: нет — и всё тут! Принца, что ли, ищет? Так нет их, принцев-то, на свете, разве что в книжках. Может, потому и на берег решил списаться Шипалов. Психанул вконец — и вот...

Он и сейчас думает о поварихе. А она вдруг:

— Кирей, родной, а ну-ка задай этому червяку! Давай, давай, ну что же ты ждёшь?

Эти слова ранят Шипалова в самое сердце. Яростно скрипнув зубами, он бросается в атаку, и тут же его рука беспомощно валится на землю, придавленная железной клешней старика. Он потрясён. Лицо его становится багровым — не то от дикого напряжения, не то от великого стыда. Он не в силах поднять глаза на публику, а тут снова этот насмешливый голос:

— Ну что, получил? А пырхался-то, пырхался!.. Выходит, не Кирей, а ты, Сева, рассыпался, как трухлявый пень.

Это снова Шурка. Вот змея! — убитый горем, думает Шипалов. Ну, теперь-то она и вовсе перестанет замечать его, более того, при каждом удобном случае не преминет уколоть его, дескать, слабак ты, паря, а туда же... Нет, всё! Как вернёмся на базу — тут же уволюсь.

— Жизнь, братцы мои, — это мокрая палуба, — тем временем подводит черту под инцидентом старый бакенщик. — Потому надо двигать по ней осторожно и не спеша, не то можно и брякнуться, — проговорил он, и непонятно было, для чего это было сказано. Видно, нам нужно было ещё немало пожить, чтобы дотянуть до его философии, до понимания того, что знал об этой жизни Кирей.

Потом мы снова сидели вокруг костра и о чём-то говорили, а когда притомились, решили устраиваться на ночлег. Первым отправился на свою ржавую посудину дед Кирей, а следом разбрелась по кубрикам и моя команда.

В ту ночь я долго не мог заснуть, потому что в каюте из-за страшной духотиши нечем было дышать. В конце концов сон сморил меня, однако вскоре меня разбудили женские голоса, звучавшие за перегородкой.

— Нет, тёть Шур, здесь невозможно находиться... — сокрушённо говорила Люська. — Да разве в такой духоте заснёшь? Пойду-ка я на баржу... Может, там будет легче...

— Ну иди, иди, а я здесь попытаюсь уснуть... Смотри только, Люська, не заблудись в темноте. А-то ведь ненароком к бабаю какому-нибудь в лапы попадёшь, он тебя и утащит в кусты...

— Да ладно тебе, тёть Шур, пугать-то!

— Ну коли пугливая такая, то оставайся...

— Да нет, я пойду. А то здесь всё равно не усну...

— Тогда возьми фонарь...

Люська ушла. На судне воцарилась тишина, и только слышно было, как тяжело ворочается за бортом река да в кустах на берегу щебечет какая-то полночная птица.

Я представил себе, как наша Люська бредёт по берегу, освещая себе дорогу казённым фонариком и напряжённо вслушиваясь в тишину. Вот она не громко вскрикнула где-то вдалеке — видно, запнулась о камень или корягу, — а потом, чертыхнувшись, продолжила путь.

Возле старой посудины она остановилась и, отыскав трап, которым служили две наскоро сколоченные широкие доски, осторожно забралась наверх. Тут же звук её шагов предательским эхом разнёсся по железному телу баржи. Пощарив лучом фонаря по палубе, она отыскала лаз, и тут же её крепкие ножки, чутко ступая по ржавым ступеням сходней, повели её вниз, туда, где, по словам тёти Шуры, находилась парочка свободных нар. Здесь, в этой железной утробе, как она и предполагала, было не так душно, как на судне, а потому уже можно было дышать. Поблуждав среди ржавого железа, она наконец нашла отсек, в котором дед Кирей устроил что-то наподобие опочивальни, и первым делом решила осмотреться.

Неожиданно где-то за её спиной послышалось лёгкое кряхтение. Стариk! Люська машинально обернулась на звук и остолбенела. В свете фонаря на крепких нарах, любовно сколоченных из выуженного из реки тополя, широко распласталось нагое тело Кирея. К Люськиному удивлению, оно выглядело далеко ещё не дряхлым. Этакая чуть высушенная временем плоть некогда могучего дуба.

Однако не эти ещё удивительно крепкие мозги старика больше всего изумили Люську, а другое, то, что определяет главную мужскую сущность. Глядела она на эту сущность и глаз отвести не могла. Сразу вспомнила всё, что слышала об этом человеке. В первую очередь, конечно же, про тот случай в местной районной больнице. Кирея тогда положили на обследование, заставили раздеться, глянули и ахнули... Тут же поглядеть на чудо сбежался весь больничный персонал. Вот тогда-то и поняли, отчего это бабы всю жизнь к нему липли. И пошла молва о Киреевых чудесах по округе, обрастаая всё новыми и новыми подробностями, и превратился Кирей в легендарную личность, отчего тут же померкла слава всех этих здешних бывших партизан, что некогда героически сражались за Советскую власть. Всё правильно: то когда было? А тут живое чудо тебе, которое будоражит женское воображение и вызывает воссторг и одновременно зависть у местных мужиков.

А Люська всё стояла с зажжённым фонариком подле Кирея, не смея даже пошелохнуться. Когда ещё такое увидишь? Смотрела, и смутные чувства обуревали её.

— Ну чё смотришь? Давай, ложись ко мне под бочок... Да не бойся, не укушу.

Проснулся-таки старый... А может, не спал, а так, притворялся?

— Да нет... нет... я найду себе место... — тут же защебетала Люська, застигнутая врасплох за неблаговидным занятием.

Она отыскала глазами свободные нары и тут же метнулась к ним.

— Ну как хочешь, — произнёс стариk. — А то легла бы...

Да что он такое говорит! И как же ему, старому, не стыдно? — опускаясь на деревянное ложе, растерянно думала она. Сердце её билось так отчаянно, как, бывает, бьётся рыба, попавшая в сети. Ну стариk, ну нахал... Скоро сто лет, а туда же...

В ту ночь она не сомкнула глаз. Лежала, затаив дыхание, и всё пыталась отогнать от себя дурные мысли. Её поочерёдно бросало то в жар, то в холод — так на неё подействовало увиденное. А стариk больше не произнёс ни слова. Нет, мол, так нет, а захочешь — сама придёшь. Так у него всю жизнь. Уговаривать не привык — незачем было. Бабы-то на его мужскую сущность, словно пчелы на мёд, сами летели. Потому он был скончен на слова и ленив на ухаживания.

Утром чуть свет Люська встала и поплелась к реке. Раздевшись и оставшись в чём мать родила, бросилась в воду. Побултыхалась немного, после чего довольная и свежая вышла на берег.

Тут и вся команда проснулась. Заметив на берегу Люську, выжимающую свои длинные рыжие волосы, кто-то из моих тоже предложил искупаться. Пер-

вым направился к трапу Митька Волков, за ним потянулись остальные, тогда как я задержался, чтобы сделать запись в судовом журнале.

— Ну и чё, Люська? Как тебе на этой барже спалось? — спросила практиканту Шура. А та глаза отводит. — Ты чего это? — широко зевнув и сладко потянувшись, удивилась повариха. — А может... — И нехорошие мысли полезли вдруг ей в голову. Тут девка и рассказала ей обо всем.

— Вот так дела-а! — протянула Шура. — Неужто и впрямь этот старый блудник приставал к тебе?

— Да не-е, приставать не приставал, а вот под бочок к себе и впрямь звал.

— Надо же! — покачала головой повариха. — Ну а ты что ж растерялась? Легла бы. Неужто бы от тебя что-то убыло!.. — Она вздохнула и тут же: — Говоришь, чуть глаза на лоб не вылезли, когда увидела его голого?

— Угу...

— Что «угу»-то? Ты скажи лучше, правду люди про него чудеса говорят или брешут? — допытывается Шура.

— Да нет, не брешут... Так оно и есть... Аж смотреть было страшно!

— А что ж тогда смотрела?

— Так ведь интересно...

Шура кивнула головой. Мол, тут я тебя понимаю.

На берегу появился Кирей.

— Здорово, люди добрые! — заметив плотогонов в воде, машет им рукой.

— Здорово, дед, как спалось-то? — спрашивает его Федька Сечкин, выныривая из светлых речных струй.

Тот пожимает плечами.

— А что мне? Спал да спал себе мирно.

— Говорят, у тебя гости ночью были? — как-то загадочно улыбается Шипалов. Видно, сукину сыну не спалось в эту ночь — вот он и выказывает теперь свою осведомлённость.

— Ну были, и что? — хмыкнул старик.

— А кто был-то? — интересуется Митька, убирай с глаз свой мокрый чуб.

— Да Люська у него там на барже ночевала, — ложась на спину и пытаясь грести против течения, говорит моторист.

— Ого! — удивляется Митька. — Слыши, Люська, это правда? — кричит он практиканке. — Я это про баржу...

Люська смущалась и ничего не ответила.

— Да ладно вам зубоскалить-то! — заступается за неё Шура, заметив сальные улыбки на лицах плотогонов. — Ну ночевала девка на барже, ну и что из того? Или это преступление?

— А что ж меня-то не позвала с собой? — хохмит Митька. — Я б тебе про кино интересное рассказал.

Мужики смеются.

— А на хрена ты ей нужен? — изглагается Федька. — Она ведь к деду Кирею ходила. Слышал, поди, про его полметра чайной колбасы в штанах? То-то же...

Снова смех.

— Ну и ироды же вы! Вам бы только поохальничать... — злится на мужиков Шура. — Душно девке было на судне, заснуть не могла — вот и решила, что на барже будет прохладнее. А вы...

— Знаем мы эту прохладу! — скалит зубы Федька. — Ты же вот смогла заснуть... Только я, пардон, удивляюсь, почему это Шипалыч не воспользовался отсутствием Люськи и не шмыгнул к тебе в кровать? Шипалыч, а, Шипалыч! Ты не объяснишь нам?

Моторист взбешён.

— Может, закроешь свою пасть, крот паршивый? — скрипит он зубами. — Или я её тебе закрою!

— Да куда тебе! — вдруг слышит он Шурин голос. — Ты вчера даже старики не смог одолеть, а туда же...

Ну вот, началось! Теперь Шурка жизни ему не даст. Чуть что, тут же старики ему припомнит... Всё, решено — увольняюсь! Вот только бы до базы добраться...

— Да ты не злись на меня, Шипалыч, не злись, я ведь только добра тебе желаю, — вроде примирительно говорит Федька. И тут же: — Я же не виноват, что Шурка тебя за нос водит. Так ты понапористей будь, не то при своём интересе останешься.

Ну, этого моторист уже не в силах был стерпеть. Он тут же бросается на Сечкина — тот от него. Шипалов кричит ему вслед что-то обидное, тот ржёт, словно лошадь.

Услышав громкие голоса, я выхожу на палубу.

— Доброго здоровьяца, капитан! — машет мне рукой Кирей. — Никак, в путь собираетесь? Ну тогда сойди — лапу тебе на прощание пожму. Может, уже и не встретимся никогда.

— Отчего же это? Обязательно встретимся, — спускаясь по трапу, говорю ему.

Тот вздыхает.

— Или ты забыл, сколько мне лет? — спрашивает. — Это вам ещё жить да жить, а моё время кончается. Глядишь, и в следующий раз другой вас бакенщик будет своими байками уговаривать.

Я подошёл к старику и пожал ему руку.

— Ну как спалось? — спрашиваю его. А он мне:

— И ты туда же?

Я не понимаю его. Тут он мне и выложил всё про Люську.

— Дурёха! — как-то весело проговорил он. — Ей такой случай выпал, а она... Ведь потом бы всю жизнь гордилась, что со стариком таким древним спала. А так и гордиться будет нечем... — то ли в шутку, то ли всерьёз заявляет он. — Знаешь, капитан, а умирать-то жуть как не хочется, — неожиданно признаётся Кирей. — На том ведь свете рек таких не будет, — бросает он взгляд на воду. — И бережков таких зелёных не будет, и тайги... Ничего не будет! Даже баб живых, ты понимаешь?

В глазах его появляются слёзы. Я вижу, что ему горько уходить из этой жизни — ведь он её так любит! Есть люди, которые с годами привыкают к

мысли о смерти и несут свой крест покорно до самой могилы. А этот — жизнелюб. Видите ли, баб ему не будет хватать на том свете! И это говорит человек, который давно уже пережил своё время. А вот живёт, и даже на молодых девок заглядывается. Чудеса!

То была наша последняя встреча с Киреем. Когда мы в следующий раз причалили к этому берегу, нас и впрямь встретил новый бакенщик. Этакий тщедушный мужичок с трясущимися руками и вечно мокрыми глазами. На вопрос, где Кирей, сказал, что тот помер. Лёг однажды спать и не проснулся. И что интересно, спал он в ту ночь не один, а с какой-то местной разведёнкой. Выпало-таки ему напоследок побывать в счастливом объятии с этой жизнью. А что ещё надо такому жизнелюбу, как он?

2009

Много лет назад я читал в книге Михаила Булгакова «Мастера и Маргарита» фрагмент, в котором описано, как Господь Иисус Христос, будучи на земле, спас от смерти некоего старца, который, будучи убит, находился в состоянии смерти. Он был уже мертв, но Господь Иисус Христос, будучи у него над головой, воскресил его.

— Но Господь Иисус Христос — краханатое существо, — сказал Фельциано, — и я не могу представить себе, чтобы он мог воскресить из мертвого состояния.

— Аварийский старец — спросил его Фельциано, — когда он умер, то был живой и здоров, а живой и здоровый человек не может умереть, — ответил Фельциано.

— Говорят, что старец умер, — продолжил Фельциано, — и Господь Иисус Христос воскресил его из мертвого состояния.

— Но Господь Иисус Христос — краханатое существо, — сказал Фельциано.

— Аварийский старец — спросил его Фельциано, — когда он умер, то был живой и здоровый человек, а живой и здоровый человек не может умереть, — ответил Фельциано.

— Говорят, что старец умер, — продолжил Фельциано, — и Господь Иисус Христос воскресил его из мертвого состояния.

— Но Господь Иисус Христос — краханатое существо, — сказал Фельциано.

— Аварийский старец — спросил его Фельциано, — когда он умер, то был живой и здоровый

человек, а живой и здоровый человек не может умереть, — сказал Фельциано.